

Не все сбылись мечты-надежды
В итоге пройденных дорог.
Но только дорог мне, как прежде,
Наш василевский говорок.

Дорога быть могла иною,
Но тем доволен я пока,
Мои друзья всегда со мною —
Деревья, травы, облака!..

Валентин Лукин

РАЗНОТРАВЬЕ

Стихи

2009 год

На перепутьях

Из детства

Был год сорок первый. И был сорок пятый.
Но был и сорок седьмой,
Как продолжение войны проклятой
С адски морозной зимой.

Воспоминаньями хмурыми пичкать
Вас так не хочется мне.
Соль, керосин и серные спички
Были в большой цене.

Припомнить о чем-нибудь симпатичном
Сегодня желательно мне б...
Но более, чем керосин и спички,
Конечно, ценился хлеб.

Вот мама с утра суетится у печки,
Дрова еле-еле горят.
Как хочется выйти за дверь на крылечко.
«Да полно-ка ты», – говорят.

Отец поднимает у ходиков гири,
Садиться за стол пора.
Мать вынет из печки картошку в мундире.
Мундиром звалась кожа.

А посредине стола на газете
Кильки заржавленной горсть.
И просятся в избу назойливый ветер
Да холод, всегдашний гость.

И только лишь солнце смеется в оконце,
Такой удивительный свет
Пойти погулять бы немного на солнце,
Да только вот валенок нет...

Не самое приятное едва ли
Из впечатлений детства – это то,
Как летом спали мы на сеновале,
Постлав на сено старые пальто.

Встают перед глазами как, живые,
Минуты эти в жуткой темноте
И рассказы о гоголевском Вие
И про еще каких-нибудь чертей.

А запахи! Ну, разве их опишешь?
Я вспоминаю их через года.
Листовою тополь шелестел над крышей,
Смотрела в щель вечерняя звезда.

Плыла, качаясь, через мироздания
Огромная пахучая кровать.
От этих дней – одни воспоминанья,
И этих чувств уже не испытать...

Покровская гора

Мне вспоминается Покровская гора,
А на горе, как муравьишки, детвора.
И среди них на лыжах сам стоишь.
Ах, сколько переломано здесь лыж!

Карабкаешься в гору и пыhtiшь,
А после вниз летишь, как будто стриж.
В конце горы сооружен трамплин.
Прыжок – и вот ты в воздухе, один.

И пролетают, расступаясь, облака.
А ты стрелой – через миры, через века!

Пока не ткнешься носом в рыхлый снег
Под дружный хохот ребятишек всех.

Мне часто снишься ты, Покровская гора,
Могучих сосен золотистая кора.
Ах, сосны, сосны! Их давно уж нет,
И только в памяти горит янтарный свет.

Как знакома мне эта дорога!
Все знакомо – и поле, и лес,
И уходят печаль и тревога
Здесь, под пологом блеклых небес.

Пусть виски запорошила вьюга,
Но, как прежде, волнует до слез
Разноцветье июньского луга,
Хоровод белоногих берез.

Постою у межи на опушке,
Озирая просторы полей.
Мреет пятнышко дальней церквушки –
Нет картины для сердца милей.

У кого-то другая дорога
И иные милее края,
Ну, а мне до последнего срока
Дорога ты, сторонка моя!

Первый стих

Дрожали елани, дребезжали двери,
Башку дурманил въедливый угар.
Хоть в это сам сейчас почти не верю,
Но я – на земмашине кочегар.

В котельной был ташкентский микроклимат.
Я швабрил слани, драил шкуркой медь.
Но было более всего необходимо
За стрелкою манометра смотреть.

Фронтоны пели жалобно и тонко,
Котел работал на парах на всех.
Вдруг в дверь распахнутую радостно и
Позвали: «Снег! Иди глядеть на снег!»

Быть может, я как следует не понял?
По трапу пулей вылетел наверх,
Под снег подставил черные ладони
И прошептал: «И в самом деле – снег!»

Из мрака хлопья снежные летели,
Как на подмости шапки белых роз,
И таяли на потном, грязном теле
И щекотали губы, щеки, нос.

Светил прожектор с мостика на воду,
В его луче кружился белый рой.
А я хватал глотками жадно воздух,
Что был ядреней браги медовой.

Легли на сердце ощутимо, веско
И первый снег, и первая тоска
По дому, по знакомым перелескам,
А снег все таял, таял на щеках.

Сдавило вдруг плечо руки железо.
Механик ругань прожевал во рту.
Я – вниз, а стрелка далеко залезла
За роковую красную черту.

Закончив вахту, побежал в каюту.
Давно уже метельный ветер стих.
А у меня минута за минутой
Не получался первый в жизни стих.

Начало любви

Погляжу я на тень на стене,
На извивы песчаных дорожек,
И припомнится явственно мне
Твое платице в белый горошек.

Эти дни – хоть зови, не зови –
А они, словно дым улетели.
Это было начало любви,
Наши души летали и пели.

Терпкой горечью пахнет полынь,
На стене от шиповника тени...
Ах, какая стояла теплынь!
И дурмящий запах сирени...

Эти дни проплывут как во сне,
Сколько было их – теплых, хороших
Вспоминается явственно мне
Твое платице в белый горошек.

Еще и лист не весь опал
С берез заледенелых,
А снег уж выпал и настлал
Везде простынок белых.
Морозцы крепкие всерьез
Шалют уже ночами.
И мириады ясных звезд
Пронзают ночь лучами.

Тепла ушедшего нам жаль,
Да мало в этом толку.
И зябко кутается в шаль
Простуженная елка.
Гадают люди: «Этот снег
Растает? Не растает?»
И молвит мудрый человек:
«Про то Господь лишь знает...»

В Карелии

Жене

Ты помнишь, Люся, наш приезд
В Карелию? Наш скарб убогий,
Холодно – тусклый свет небес
И клюкву чуть не у дороги?

И деревянные мостки,
Они скрипят, кряхтят натужно.
Из дома ближние лески Видать.
А нам - чего нам нужно?

Как выходной – так в этот лес.
Все любовались валунами.
И кто-то пристально с небес
Все наблюдал тайком за нами.

Купили лыжи мы тогда.
По целине заледенелой
Ходили к озеру. Года,
Года прошли, а лыжи целы.

Из снега ветер на кустах
Лепил незнамо что такое...
Медвежьегорск – в семи верстах,
До Повенца – подать рукою.

Зимой – морозы, холода.
Жары и летом не бывало,
В Онежском озере вода
К купанью не располагала.

Ушли те годы без следа,
Как ночи белые проплыли.
Мы были молоды тогда.
Как мы тогда наивны были...

На Лене

Прошедшее опять припоминаю...
Едва прошел по Лене ледоход,
Как в первый рейс 16 мая
Отправился «Матросов» – теплоход.
Я не хочу пускать в глаза вам пыли
И показаться очень деловым –
Мы практику на Лене проходили,
И был я мотористом-рулевым.
Тогда мы все романтики искали,
Нам всем хотелось к черту на рога.
У Лены берега – крутые скалы.
На сотни верст кругом – тайга, тайга.
Из Качуга таскали самоходки
По мелководью – аж буксир скрипит.
И почему-то не было там водки,
И после вахты мы глушили спирт.
Чтоб судно сдернуть с переката, с мели,
Нам часто помогали трактора.
Мы от работы к вечеру чумели,
И насмерть заедала мошкарка.
Работка - то, что надо, без натяжки.
А пункт конечный – Осетровский порт.
К нам зеки беглые, геологи, бродяжки
Просились пассажирами на борт.

Из этих зеков всякой дури перло.
Посмотрит – так охватывает дрожь.
Один мне чуть не перерезал горло
За просто так, за здорово живешь.
Тогда нам было море по колено,
И Лена позвала к себе, маня.
И все-таки – спасибо тебе, Лена,
Ты научила многому меня.

В Кара-Кумах

Там папахи из белых баранов.
За сто верст от аула аул.
Мертвой хваткой в седые барханы
Уцепился старик-аксаул.

Не растут в Кара-Кумах лимоны.
Басмачи в Кара-Кумах живут.
И в песках, не боясь скорпионов,
Лишь верблюды колючку жуют.

Там намного теплей, чем в Паланге,
Солнце там выжигает глаза.
В ночь на свет прилетают фаланги,
Днем в песок уползает гюрза.

К телу так прилипает рубашка,
Что ее не стащить, хоть убей.
И часами верблюжьей какашкой
По пескам катит жук скарабей.

В мае мак по пескам расцветает,
Кара-Кумы как в алой крови.
И акын в эти дни сочиняет
Песнь о солнце, весне и любви.

Запрокинет он кверху воронку,
В поднебесье закатит глаза,
Запоет так пронзительно звонко,
Будто в зад укусила гюрза.

...Там папахи из белых баранов,
За сто верст от аула аул.
Мертвой хваткой в седые барханы
Уцепился старик -саксаул.

На Тихом океане

Грядую вдаль уходят горы.
Стою, смотрю, простором пьян.
И распростерся перед взором
Великий Тихий океан.

Здесь нет ни шума, ни шумихи.
Лишь ветер холодит висок.
За валом вал лениво, тихо
Ползет на розовый песок.

Смолк даже чайек крик визгливый.
Закатным солнцем осиян,
Он так прекрасен в час прилива,
Великий Тихий океан.

И тронув вал, скользивший плавно,
Рукою вечность тронул я,
Здесь ощущается так явно
Тщета и бренность бытия...

Кривые улочки. Безмолвный зимний вечер.
И лишь снежок под валенком скрипит,
Да звезды сыплются пригоршнями на плечи,
Да белый дым над крышами висит.

Иду-бреду по улицам пустынным,
И мне как будто вновь шестнадцать лет.
Старинный дом с узорным мезонином,
За кружевною шторкой теплый свет.

И вот сейчас откроется калитка,
Тихонько звякнет старое кольцо,
Из полумрака Снегина в накидке
Походкой легкой выйдет на крыльцо.

Горит окно уютным, мягким светом.
Любили мы, любили, может, нас...
Оборвалась снежинка с гонких веток
И раскололась вдребезги о наст.

Спасов день (из прошлого)

Висит замок на зданьи сельсовета –
Престольный праздник нынче на селе.
Все девки в крепдешины разодеты,
Все мужички чуть-чуть навеселе.

На площади у обветшалой церкви
Идет гульба. Играет гармонист.
Дробят «елецкого» Наташки, Шурки, Верки
Под смех и визг и залихватский свист.

И кто уже постарше чуть годами,
Наглаженными юбками шурша,

Под ручку взявшись, чинными рядами
Вкруг церкви выступают неспеша.

Сгуртилась в кучку братия седая.
Платками с лысин вытирая пот,
Вопрос сурьезный деда обсуждают —
Каков с пшеницы будет намолот.

Старухи, разговевшись анисом,
Глядят в окошки допотопных изб,
Как девки все на гармонисте виснут.
Уж так им люб Миколка гармонист!

И, как всегда, неймется хулиганам,
Скандалит у забора молодежь.
У них лежат свинчатки по карманам,
А за халявой спрятан финский нож.

Лузгая семечки про «жись» судачат свахи.
Все, как всегда, как испокон веков —
На ребятишках новые рубахи,
И всюду сдобный запах пирогов.

...Но вот уж солнышко склонилось к оврагу.
Сваты останную доделывают брагу.
Уж Верку тискают в овине за селом.
Уж тащат под руки какого-то парягу —
Ему пробили голову колом.
Уж языки чесать устали свахи...
Гармонь теперь слышна из-за лугов.
Ребята сняли новые рубахи
И спать легли, наевшись пирогов.

Стихает к ночи и гульба, и праздник.
В сенях стоит могучий храп сватов,
Да коростель в лугах кого-то дразнит
Да яблоками тянет из садов...

Я все еще люблю волнение
Предвосхищения весны.
Люблю, когда ложатся тени
На снег, сиренево – ясны.

Еще люблю без дела шляться
Как встарь, по сырým деревням.
И не могу не удивляться
Весны томяще-теплым дням.

Люблю, когда пути-дороги
Все дальше, дальше манят вдаль.
Пейзаж окрестности убогий,
Полей вечернюю печаль.

Я все еще люблю, чтоб ныло
От тихой нежности в груди
К звезде, что робко засветилась
Над сизым полем впереди.

Я все еще люблю блаженство
Глядеть в ночные небеса.
И славу зреть, и совершенство,
И жуть Вселенной колеса.

С полуулыбкою всегдашней,
Во всех, движениях ловка,
Ты, как набросок карандашный,
Проста, изящна и легка.

Мила от пяток до макушки,
И жаль – тебя не видел Пушкин,
Он профиль твой, ланит овал
В тетрадах все бы рисовал.

Когда писал стихи Петрарка,
В Болонье было очень жарко.
Напоены его сонеты
Огнем любви и зноем лета.

Страдал Петрарка по Лауре,
Был однолюб он го натуре.
Когда б Лауру не любил он,
То был бы рядовым дебилом.

И не писал бы он сонетов,
А наслаждался зноем лета.
И невдомек бы всем нам было,
Что вообще на свете был он.

Я каждый день ее встречаю
И будто бы не замечаю,
Как вздрогнет ярко -алый рот,
Когда навстречу мне идет.

Ты каждый день меня встречаешь
И будто бы не замечаешь
Мой бегло-равнодушный взгляд
И вслед украдкой огляд.

Друг друга каждый день встречаем,
Друг друга мы не замечаем,
Боимся даже встречи глаз.
Но — что-то связывает нас.

Поле, небо и я

Вот поле, совсем-совсем голубое
Со стадом мирно пасущихся
Белых барашков.
Вот небо, поросшее бурой травой
С вкраплениями редкими
Белой ромашки.
Вот я, идущий по небу вниз головою
С распахнутым воротом
Белой рубашки.

И каждый день – как Божья милость!
Мила в нем каждая-то малость.
И вся-то жизнь как будто снилась,
Как будто бы припоминалась.
Порой печалила немного
Судьба, порою улыбалась.
И, как мираж, как сон дорога
Кончается... Какая жалость!
Так что же наша жизнь - причуда
Или бессмысленная шалость?
Не все ль равно! Езжай, покуда
Твоя телега не сломалась!..

О, детских лет бездумная беспечность!
Реки и глаз, и неба голубень!
И дольше века длится каждый день,
Придет из вечности и снова канет в вечность...
И вот – исчезла детская беспечность,
Померкла глаз и неба голубень.
Не так горяч и ярок летний день.
И дни текут, текут куда-то в вечность...
Вас ветер жизни разбросал по свету,

Друзья моих давно минувших лет.
Так отзовитесь! А ответа нет...
Немудрено, когда уж многих нету.
Уж многих нет. Другие весла сушат
У тихой пристани, уставши от дорог.
Но, как и мне, им согревает душу
Неугасимый детства костерок.

Август. Алеют рябины.
В сизом тумане лески.
Вот уж в глазах зарябило
От беспричинной тоски.
Солнышко смотрит устало,
Дождичек сыплет косой.
Вот уж и сердце обдало
Августа стылой росой.
Вот уже желтые листья
Вкраплены в пряди берез.
То ли от дымки так мглисто,
Толь от непрошенных слез.
Скоро, теперь уже скоро
Лист потечет неспеша...
Но почему в эту пору
Так бесприютна душа?

Разнотравье

Разнотравье

Не топчите цветы полевые,
Это чудо земной красоты.
Ведь они, как: и вы, живые.
Не топчите, прошу вас, цветы.

Не топчите цветы в летнем поле.
Ведь они, как: улыбка земли.
Их Господь разбросал по раздолью,
Чтоб они вам на радость цвели.

Импрессионизм

В траве а ля Поль Веронез
Мерцает серая тропинка,
Взлохмачен ветром сизый лес
В манере позднего Вламинка.

Пунктиром, будто у Сера,
Кусты намечены немного.
Деревьев старая кора
Груба, как живопись Ван Гога.

Синьяка точечный мазок —
В стерне теряется дорога.
Прописан жженой умброй стог,
И охрой тронут бок у стога.

И только дали широко
Взяты. Совсем как у Сезанна.
Нет ничего от Жерико.
Коро? И это слишком рано...

Дрожит звезда

Отражена, дрожит в затоне
Зари вечерней желтизна.
Дрожит звезда на небосклоне
Пока еще совсем одна.
Дрожит и воздух, чуть прохладный.
Закат золотной нитью шит.
И оттого, что все так ладно,
Душа трепещет и дрожит.

Отрада

Я иду по полевой дороге,
Утонувшей в золотистой ржи.
Холодит земля босые ноги.
Васильки синеют у межи.
Над полями с переспевшим хлебом
Величаво, будто из былин,
Облака по голубому небу
Проплывают, выстроившись в клин.
И, простору полевому радо,
Песню сердце запоеет без слов.
И отрада, тихая отрада
Наполняет душу до краев.

Заколоченный дом

Лопухи, лопухи...
Темно-синие кисти сирени.
Заколоченный дом,
И опять лопухи, лопухи...
От корявой ветлы

На дороге корявые тени.
Здесь давно не живут.
Здесь давно не поют петухи.

Заколоченный дом,
Его окна пустынно и дики.
Полусгнившие жерди
Упавшего наземь плетня.
В придорожной траве
Голубые глаза вероники
С бессловесным укором
Глядят и глядят на меня.

Вечер

Исчезла легких облаков регата.
И вечер кораблем в огнях проплыл.
Последний луч угасшего заката
Края лиловой тучи подпалил.

В полутона ушли пейзажа краски,
Даль затянуло сизой пеленой.
Из леса веет жутью древней сказки,
И будто кто тайком следит за мной.

Вот потянуло холодом. И скоро
По всей округе разольется мгла.
Обыкновенно кто-то в эту пору
Выходит на недобрые дела.

Там

Там росы светлы,
Мох зелен и чист.
Там сосен стволы
Как жар горячи.
 Там коршун кружит,
 Роняя перо.
 Там бисером шит
 Тропы поворот.

Там воздух, как мед,
От хвои смолист.
Там песни поет
Осиновый лист.

Там храм для души.
Там дали ясны.
Там так хороши
Зеленые сны.

В вечерний час

Когда томящая июльская теплынь
В вечерний час хотя б немного схлынет,
Запахнет явственнее горькая полынь,
И станут тени глубоки и сини.

В реке в безветрии уляжется вода,
И тут же на поверхности зеркальной
Доверчиво протянутся тогда
Березок отраженных вертикали.

Обдаст росой скаты старых крыш,
Потянет от реки сырой прохладой.
Забыв про все, на божий мир глядишь,
И ничего в тот миг душе не надо.

Выйду в опустевшие поля,
Там теперь лишь ветер в уши свищет.
Ну, а дни ближайшие сулят
Дождь за непролазную грязь.

Золотые дни давно прошли,
Ветер листья собирает в кучи,
Небо все как есть заволокли
Влагою беременные тучи.

Мчится ветер будто вертопрах,
Не встречая никакой преграды.
Только и теперь еще в полях
Есть пока что некая отрада.

Стылый ветер наполняет грудь,
Щеки жжет холодным поцелуем.
Ничего, и эту как-нибудь
Осень мы с тобой перегорюем.

Пойду ль в перелески заветные,
Поманит ли дальняя даль —
Везде, как печать вековая
Саднящая душу печаль.

Слезливая туча полоскою
Над сизым висит ноябрем.
И в этой тоске прополосканы
Деревья за ржавым бугром.

Окутаны дымкою волглою
И лес у реки, и вода.
И ждут впереди очень долгие
Назойливые холода.

Лето

Цвета вата. Веток сито.
Лето свято светом свито.
Звон невнятен. Рябь и тени.
Желтых пятен наваждение.
Пятен света дрожь и трепет,
Света, лета милый лепет.
Ниток-веток колыханье.
Листьев-меток мельтешенье.
И отчетливо сознанье
Бесконечности движенья.

Времена года

Ах, сколько солнца, сколько света,
На небе тучки не видать.
Да, раз в году бывает лето,
А лето – это благодать!

Ненастье сиверко приносит,
Заладит дождичек косой,

И в свой черед приходит осень
С своей прощальной красой.

Но вот уж вьюга завывает,
И примется метель кружить.
Да, раз в году зима бывает,
И это надо пережить.

И, наконец, теплом подует.
Придет конец зиме большой.
Ведь каждый год весна колдует,
А это, право, хорошо!

Благодать

Я за спину закину свой рюкзак,
Дорогу сами знают сапоги.
Пойду-ка я в знакомый свой овраг
Да напишу излучину реки.
Вверху сияет чистый небосвод,
Ель руки пораскинула свои.
Меня зовут березы в хоровод,
Подружки ненаглядные мои.

Я вам, березки, несказанно рад,
И я, конечно, к вам еще приду.
Но я иду совсем не наугад –
В места свои знакомые иду.

И вот она, излучина реки,
Склонился над водою ивы куст.
По косогору заросли ольхи,
А воздух, будто мед, душист и густ.

Здесь краски удивительно нежны.
Но как же на холсте их передать?
Какие кисти чуткие нужны,
Коль на земле такая благодать!..

Ветер вытер неба простор,
Краски сражения грозного стер.
Дали прозрачны, высок небосвод,
Дышит спокойствием зеркало вод.

Светом пронзительным высветлен лес.
Много у Господа – бога чудес!
Только не всем их увидеть дано,
Так отворите же к Богу окно.

Тлеющий свет в небесах вечеряющих,
В алой излучке реки.
Свет и в сознании, медленно зреющем,
Промысла Божьей руки.

Им, излиняням любви всепрощающей,
Ими названия нет.
Будет вовеки блажен только знающий
Этот Божественный свет.

Время медленно пряжу прядет,
А Господь из невидимой пряжи
Кружева наших судеб все вяжет.
И какой же узор нам грядет?

Где густеет от сосен в бору темнота,
Где осины гуртятся в сторонке,
Сквозь траву пробиваясь, торчат тут и там
Рыжеватых волнушек воронки.
А вверху, задевая вершины берез,
Мрачных туч проплывают охапки,
Черный пень изумрудными мхами порос,
Ель развесила темные лапки.
Там, на самых вершинах могучих стволов
Недоверчивый ворон гнездится.
В непролазной чащобе от хруста шагов
Всполошится сторожкая птица.
И навалится вдруг предвечерняя муть,
Потеряется в чаще дорога,
И охватит тебя первобытная жуть,
Древних пращуров страх и тревога.

Ветер шумит за окном,
Ветви полощет берез,
Вьет их и крутит жгутом,
Будто бы пряди волос.
Листья трепещут, дрожат,
И – виртуоз-пианист –
Ветер листву вороша,
Плещет, как ливень, как Лист.

Вот на мгновение замрет,
Угомонится. И вдруг
Вновь, как подол задерет
Листья. И зол, и упруг.
Этот порывистый шум
Шумана звукам родня.
Всплески отрывочных дум
Душу тревожат, саднят...

Тень

Наверное, я не открою секрета,
Что в хмурые дни настроения нету.
Но не так одиноко в солнечный день,
Пойдешь погулять – а с тобой твоя тень.
Замечу однако,
Если сам я всегда одинаков –
Метр шестьдесят шесть с половиной,
То тень из короткой становится длинной.
В полдень тень,
Независимо от направления ветра.
Не более полуметра.
К вечеру даже страшно сказать -
Тень вырастает метров на пять.
Я солгал бы, сказав,
Что души в ней не чаю.
Чаще всего ее не замечаю.
Тень бессловесна,
Плоска, как печать,
Но с ней интересно
Думать, молчать.
Есть в ней некая недосказанность,
Зато какая собачья привязанность!

Тень обо мне многое знает,
Но никому уж не разболтает.
Прогулка отраднее с мыслью такою,
Что я не один, что с тенью касс – двое!

В Гефсиманском саду

Полночный час. В саду сгустились тени.
И лишь поляна светом залита.
Не слышно фарисейских песнопений.
И крепко спят ученики Христа.
Сын Божий знает – скоро, очень скоро
Свой крест Он на Голгофу понесет.
Откуда ждать поддержки и опоры?
И на челе – холодным градом пот.
Не видит Он, как эта ночь прекрасна,
Не слышит Он дыхания реки.
Лишь чувствует – близка, близка опасность,
Но спят апостолы, Его ученики.
Он знает о тщете своих молений.
Ему известен жертвенный удел.
И все же – опустился на колени
И руки к Вседержителю воздел.
Дрожат листы под легким дуновеньем,
Душа трепещет трепетом листа,
И жуток час молитвенного бденья.
Но спят в кустах ученики Христа.
Смертельный страх объял и душу точит.
О, авва отче, где же взять мне сил?!
О, если только можно, авва отче,
Ты чашу эту мимо пронеси!
Ночным покоем сад уснувший дышит,
Тень от олив лилова и густа.

Не видят слез Его и слов Его не слышат,
Спят крепким сном ученики Христа.
Горе воздел Он взгляд зениц незрячий,
Покорен воле своего Отца.
И пот, как кровь, обильный и горячий
Стекал на землю с бледного лица.
Кусты зашелестели у дороги,
И птица всполошилась неспроста.
Вся ночь наполнилась предчувствием тревоги,
Впавалку спят ученики Христа.
Не удивился Иисус нисколько,
Когда взглянул на поворот тропы, –
То в Гефсиманский сад толпа вступала,
И шел Иуда впереди толпы.
Бродяги, стражники, рабы и фарисеи,
В руках их факелы, дреколье и клинки,
Когда их топот тишину рассеял,
Проснулись, наконец, ученики.
Но все предрешено. К чему проклятья?
Не надо больше ожидать чудес...
Сын человеческий был послан на распятие,
Но Божий сын – на третий день воскрес!

Вифлеемская звезда

Пред тем, как: встать звезде над Вифлеемом,
Земля была печальна и пуста.
Весь люд уснул, от тягот дня устав.
И, подчиняясь жизни теоремам,

Затихла постепенно суета...
Отдел дневных Иосиф отдыхал.
Все так убого было, но знакомо

Иосифу в его лачужке. Словом,

Лачужка эта так была ветха.

Что и называть-то неудобно домом.

В яслях осел жевал клочок соломы,

И вол вздыхал... А ночь была тиха.

Вдруг – озарило облаков верха.

И тут звезда предстала пастухам,

Предчувствием тревожа незнакомым.

И шли волхвы, сияньем тем влекомы,

Свернув с пути. Душевная истома

Снедала их. А свет не потухал.

И вот явился в мир, как аксиома,

Он – искупитель скверны и греха...

С тех пор минуло два тысячелетья,

А жизни геометрия все та же –

Все та же скверна, та же суета.

Но и теперь, и в наше лихолетье

Все светит Вифлеемская звезда.

Для тех, кто верой жив, любовью светел.

Наши родники

Узор

Не роса на лесной паутинке,
Не мороз изузорил окно –
Строчая по беленой холстинке
Свой узор положила умно.

Инструмент весь наперсток да пальцы,
Быстро тонкая ходит игла.
И колдуют над вышивкой пальцы.
Задуманная песня светла.

А мотивы такие родные
Ты взяла белизну у берез,
У рябины листочки резные,
С неба – месяц и россыпи звезд.

Тебе ландыш милее, чем роза,
И как будто кому-то в укор
Свои тихие девичьи грезы
Ты вдохнула в искусный узор.

В непогоду, в любое ненастье
Скатерть, вышитая тобой,
Вносит в избу и радость, и счастье,
В душу вносит уют и покой.

Секрет

Как перо красавца петуха,
Пестрота воскресного базара.
На рогожах желтых вороха
Глиняного хрупкого товара.
И кричит горшня: «Налегай!
Кашники, кисельники, корчаги!
Посуденку, бабы, выбирай
Для похлебки, для медвяной браги!»

Торговали не без плутовства
И в карман не лазили за словом.
Но горшки, сказать без хвастовства,
Делало с уменьем Василево.

Зубы враз любой заговорит,
Но в товаре не было изъяна.
Словно медь, на солнышке горит
Тулово лощеного кумгана.

Квасника нарядного бока,
Талия тугая крынки смуглой.
Был хороший вкус у мужика
К линии упругой и округлой.

А теперь и глины на замес
Не сыскать уже по всей округе.
Василевский промысел исчез,
И забыли о гончарном круге.

Жаль, что вот умрет последний дед,
Долгий век прожив неторопливо.

Тот, что знает потайной секрет
Обжига и радужной поливы.

Дед с душой спокойной примет смерть
Пожито, попито и попетю.
Но обидно все же умереть,
Никому не передав секрета...

Печник

Так сноровисто, умело
Печку клал Федот Кузьмич,
Приноравливая вделю
Каждый тесаный кирпич.
То загнеток в печке ладит,
То горнушку, то чело.
Тешет — гладит, тешет — гладит —
Дело к осени пошло.
Не стерпела тут хозяйка
И Федоту напрямки:
«Ты, Кузьмич, тово, давай-ка
Поживей локтями ски!»
Тот ответ держал не сразу,
Пальцем за ухом скребя:
«Печь кладу я по заказу,
Но еще и для себя.
Спросит кто для интересу,
Или надобность придет
Кто сложил такую песню?
Знамо кто — печник Федот!
И придут ко мне с подрядом:
Выручай, Федот Кузьмич!
Снова буду ряд за рядом

Класть к кирпичику кирпич»...
Уж пора бы ставить тесто
Да в чело совать дрова,
А он печку, как невесту,
Наряжает в кружева.

Наши родники

Этим летом иностранец,
Рядовой американец,
В Чкаловск в гости приезжал.
Мы с ним щи да кашу ели,
Я ему за две недели
Все, что можно, показал.
Показал музей и пристань
Любопытному туристу.
А потом подумал я:
А давай-ка, право слово,
Мы пройдемся по Баклову, –
Там же родина моя.
Вот и дом, где в детстве жили.
Было дело – и тужили,
Пять мальцов была семья.
Вот журавель у колодца,
А к колодцу тропка вьется,
И висит над ним бадья.
Говорю: «Ну, что же, мистер,
Вот, к России причастись ты,
Выпей нашенской воды».
Он поморщился сначала:
«Может, в воду что попало,
и не будет ли беды?»
«Слушай, мистер, не бойсь ты.

Нет другой, такой же чистой.
Наклоняй смелей бадью.
Много лет я эту воду
Пил во всякую погоду
И сейчас с охотой пью.
Говорю не для прикола –
Тут тебе не «Кока-кола».
Это наши родники.
Вот от них у Волги сила.
А из Волги пол-России
Пьет, из матушки-реки.
Ну, а я вот здесь родился.
Где родился – пригодился.
Здесь до смерти буду жить.
И не жаль, если придется
Из-за этого колодца
Свою голову сложить.

В столовой

Дождик куксится, сыплет.
Нахмурилось небо плаксиво.
Небеленым холстом
все, как есть, его заволокло...
В поселковой столовой,
конечно, не больно красиво.
Но уютно и тихо.
А главное дело – тепло.

В захолустной столовой
накормят без шика, но сытно,
Понимая, что значит
для люда простого еда.

Здесь любой посетитель
всегда человек самобытный,
С отпечатком приметным
нелегкой судьбы и груди.

Вот один гражданин
в телогрейке промокшей заходит,
С инструментом кошелку
поставил он возле стола.
В переплетах бывал
про таких говорится в народе.
Мешковиной дерюгой
замотана туго пила.

В кошелек заглянул,
горсть монет насчитал самых мелких.
Мокрый снял малахай,
в затылке маленько поскреб.
Каши гречневой взял
две глубоких жестяных тарелки.
Ест. И потом прошибло
заскорузлый коричневый лоб.

В рот он ложку отправит,
а после размеренно, тихо
Челюстями жует,
будто занят серьезным трудом.
Сразу видно – хлебнул
предостаточно дяденька лиха.
И удача, видать,
не вставала к нему передом.

Кончил трапезу дядя,
посуду отнес, чин по чину.
Недоеденный хлеб
аккуратно в платок завернул.
Поклонился раздатчице
с полуулыбкой невинной.
Обогрелся. Покушал.
И в непогоду снова шагнул.

Провинция

На окнах – резные наличники.
За окнами – рдеет герань.
У окон – не очень приличная
Мужчин подзаквасивших брань.

Повсюду провинции признаки
Колодец. Поленница дров.
Здесь прячутся прошлого призраки,
Витает здесь дух праотцов.

Кирпичные старые здания
Забыли уж, сколько им лет.
Провинция. Горше названия
Для города русского нет.

На улицах патиной времени
Неубранной грязи вершок...
И все же какого племени
Пока еще жив корешок!..

Зимка

С батожком своим сиротским
По селеньям, по лесам,
По земле Нижегородской
Бродит зимка там и сям.

Словно пряник городецкий
Пахнет свежий, мягкий снег.
Знать, и выпал он для детских
Незатейливых утех.

Белым нашенским гипюром
Оторочены дома.
И на жителей не хмуро
Смотрит зимушка-зима.

Серебристых нитей блески
По опушкам разнесла.
Зимка в край наш Василевский,
Заплутавшись, забрела.

Подновив наряд осинок,
Призамедлила свой путь.
Где-то около Новинок
Вдруг решила отдохнуть.

Подремала в скирдах рыжих
И, минуя Пестяки,
Побрела к Катункам ближе
По сугробам вдоль реки.

...С батожком своим сиротским
По оврагам, по лесам,
По земле Нижегородской
Бродит зимка зам и сям

Не видать в деревнях что-то бань,
И все меньше самих деревень.
И живут там старухи да пьянь
В избах с крышами набекрень.

Но над крышами – неба синь,
А за избами – осени грусть.
И куда ты и как ты ни кинь,
Это все-таки все еще Русь!..

Снова подули осенние ветры,
Льют обложные дожди.
Этот мотив, как столетнее ретро,
Нудный – аж душу мозжит.

Переругавшись с друзьями со всеми.
Спит за стрехой воробей.
Как хорошо в это скучное время
Думать о жизни своей.

И обо всем о плохом и хорошем
Не торопясь вспоминать.
Как хорошо воробьем позаброшенным
С книгой под дождик дремать.

Василевские притчи

Чай-сахар

Мать управится с делами,
Рогачи поставит в кут.
И тогда ребята сами
К чаю-сахару идут.

И на стол, ножом скобленный,
Двухведерный самовар
Медный, с окисью зеленой,
Водрузится. Белый пар

Кверху вьется из-под крышки.
И степенно, чинно, в ряд
На скамейке ребятишки,
Как челюстики, сидят.

Сахар, колотый щипцами,
Так и просится он в рот.
Но его берут не сами —
Мать по цибику дает.

Наливает чаю в чашки,
Поворачивая кран.
Кольке, Машке, Петьке, Сашке,
Мишке, Ваське, Гришке, Дашке.
Из стакана пьет Иван.

Он глава всего семейства.
Чтобы был всему черед.
Чин да лад, как будто в действе,
За порядком он блюдет.

Чтоб сидел послушно Сашка,
Не пыхтел и не визжал.
Чтоб у Машки сопли в чашку
Не спускались как вожжа.

Чтоб под лавкой Петька с Мишкой
Не пинались втихаря,
Не болтали Васька с Гришкой

И сидели, не дуря.
Чтобы было все по нотам,
Чтоб упрел морковный чай,
Чтобы мухи в чашку с лету
Не попали невзначай.

Вон над сахарницей вьются...
Напоив меньшей народ,
Водрузив на пальцы блюдец,
Мать впригляд чай-сахар пьет.

Странник и кот

Странник божий селом по дороге
С переметной сумою идет.
Кот пристал к нему. Тычется в ноги,
Льнет да вертится. Ласки все ждет.

«Что суешься, дерьмо ты такое?
Мы и сами, как есть нищета.»
Да в сердцах по загривку клюкою
И огрел приставаду кота.

Ночь в глаза. Наконец, притомился,
Попросился в избу человек.
Чем сподобил Господь, покормился
Да собрался уже на ночлег.

Залезает, кряхтя, на полати.
Сотворил уж молитву. И вот –
На тебе! Появляется в хате
Этот самый назойливый кот.

Странник думает: «Эка проказа!»
И весь сон, как рукою, сняло.
Кот сверлит темноту желтым глазом,
Все глядит безотвязно и зло.

Покрутился старик, повертелся.
Да намаялся за день-то он.
Наконец, под тулупом пригрелся,
Одолел-таки старого сон.

Лишь уснул кот, как молния взвился
На полати в четыре прыжка,
В шею, в сонную жилу вцепился
И как мышь задушил старика.

Белоручка

Белоручку дочь
Будит мать с утра:
«Хватит грегь бока,
жиги жать пора».

«Не пойду я жать.
И зачем нам рожь?

Ты к зиме сама
Все равно помрешь.
Замуж выйду я,
Как придет зима.
Караваи есть
Буду задарма».

Наступил черед,
И пришла зима.
Холодно в избе.
Пусты закрома.
Вот мороз седой
По сениям стучит.
Услыхала дочь —
Живо шась с печи.
«Ктой-то там шумит?
В поле жито жать
Кличут, значь, меня».
Да за серп-то хватить!

Баба и дьявол

Схоронила кормильца.
А детки все на стороне,
Закручинилась баба:
«Уж не удавиться ли мне?»

Привязала веревку
За надежный на матице крюк.
Да прибраться немного
В избенке надумала вдруг.

Подметает под лавкой
Обтерханным вдрызг голиком.

Ну, а дьявол ей в ухо:
«Скорее в петлю прямиком!»

«Потерпи ты, нечистый!
Вот на-ка голик, вурдалак!»
И голик затянуло,
Из петли не вынешь никак.

«Ах ты, нечисть какая!
Знать, не терпится в петлю упечь?
Да пошел ты подальше!»
И стала растапливать печь.

Портной и черт

За работой портной припозднился.
Керосинка мигает, горит.
Вдруг нечистый в избе появился
И портному он так говорит:
«А давай-ка поспорим, портняжка,
Кто сошьет из нас шубу быстрее.
Коль проспоришь – то душу отдашь мне.
Если выпоришь – ты богатей».
Что поделать? Портной согласился.
Взял он нитку длиною с вершок
И опять над работой склонился,
Со сноровкою мечет стежок.
То и дело короткие нитки
Он меняет одну за одной.
«Сколько времени, – думает притка, –
Понапрасну теряет портной.
Ну, а я – дай попробую долгой
Ниткой», – думает дьявол себе.

Вот забегал он с ниткой-иголкой
То туда, то сюда по избе.
Уж закончил портняжка работу,
Нитку перекусил у узла.
А нечистый весь мокрый от пота.
«Что ж, твоя, видно, нынче взяла».
Так портной вот и выиграл в споре,
Изворотлив, хитер да умен.
И богатеньким сделался вскоре –
Верховодить артелью стал он.

Родная сторона

Тающий снег. Березка.
Пласт оголенной земли.
Низкого неба полоска
Да деревенька вдали.

Леса кайма голубая.
Сызмальства хоженный путь.
Здравствуй, сторонка родная!
Дай на тебя мне взглянуть.

Избы дремлют в снегу,
А вдали косогор горбит спину.
Голубой полосой
К горизонту уходят леса.

И холодной красой
Блещет снег на открытой равнине.
И в косых облаках
Над равниной висят небеса.

Что поделаешь, брат,
Год от года все больше стареем.
Но вот этой картиной
Никак не натешится глаз.

Оболочка людская
Ветшает гораздо скорее.
Красота ж еще долго
Свет в душе зажигает у нас.

И все еще по-прежнему как будто
На тропах и на просеках лесных.
Но с каждым днем заметней атрибуты
Все ближе подступающей весны.

Не признаки пока еще – намеки,
Несмелые и робкие пока.
Рисунок четче деревень далеких,
Рыхлей сугробы, выше облака.

В чащобах гени синькой загустели,
Зажегся ярью рыжий ствол сосны.
И воздух чист. А вы чего хотели?
Ведь это все – предвестия весны.

Середина марта. Теплый ветер.
Солнце припекает левый бок.
Под ногами сырь. Сквозисг и светел
Впереди березовый лесок.

Тени от берез бегут по насту,
Как переплетенья синих жил.
А под елью мусор темно-красный,
Это дятел шишки шелушил.

Мельтешит бумажкой папиросной
На ветру обрывок бересты.
И каких ни задавай вопросов,
Все ответы ясны и просты.

По лужам рябь
Задира-ветер гонит.
Взметнулся ввысь
Лиловый дым берез.

Я подставляю
Под капель ладони,
И мне не жаль
Зимы последних слез.

Плывут весенней
Увертюры звуки
На голубом
На мартовском ветру.

И ветки к солнцу
Тянутся, как руки,
Как наши души
К правде и добру.

Распростерлась вверху неба синего простынь,
Солнцем залит вдали косогор.
И хрустит под ногой ледяная короста,
Будто чашки разбитой фарфор.
Облака и дороги, заборы и крыши –
Все размыла весны акварель.
Весь до нитки промок, как дворовый парнишка,
Опрокинувшись в лужу, апрель.

Замечтался под солнышком лес неодетый,
Знать, к стихам подбирает слова.
От пьянящего воздуха, свежести, света
Закружилась его голова.

В начале мая влажной теплой ночью,
Взрывая залпом сон и тишину,
В садах и парках лопаются почки,
Врезаясь первой зеленью в весну.

Как у влюбленных кровь стучит по жилам,
Гудят густые соки под корой.
В стволах набухших молодая сила
Звенит, поет весеннею порой.

В ветвях промокших трепет и волненье
И горьковатый запах от дождей.
В минуты молодого вдохновенья
Деревья как похожи на людей.

Весенний воздух – сладкий, чистый,
И пар струится от земли.
А по-над вербой золотистой
Гудят тяжелые шмели.

А в вышине курлычут птицы,
Справляясь к милому гнезду.
И в поле, что дымком курится,
Проводит трактор борозду.

И тракторист, мужик чумазий.
Видать, доволен сам собой,
Весной доволен до отказа
И пой прелестью земной.

Поставил трактор у лесочка,
Рукой показывает мне
Туда, где жаворонка точка
Дрожит в лазурной вышине.

Долгожданный ты август наш, здравствуй
Налитой, подрумяненный бок.
Ну, давай же, крепыш коренастый.
Не стесняйся, входи за порог.

У тебя за плечами, уж знаем.
Целый короб больших новостей.
Ты с дарами идешь, с урожаем,
Самый щедрый из наших гостей.

Грузно шествуешь ты между грядок
Среди всей огородной брагвы.
Буйство творчества и беспорядок
В плетях спутанной сочной ботвы.

Наливаются крепкие дыни.
Ветви гнутся от тяжести слив.
И оплавленным оловом стынет
В недрах зелени белый налив.

Завивается, крепнет капуста.
Навздевав сто скрипучих рубях.

И варенья янтарные густнут,
И бочата трещат в погребах.

Долгожданный ты август наш, здравствуй
Налитой, подрумяненный бок.
Заходи же, крепыш коренастый,
Приглашаем тебя на пирог!

Отзвеневшего лета конец
Или осени тихой начало?
В птичьей стае окрепший птенец.
А вчера еще буд то качало
Желторотых в уютном гнезде.
Свитом в ветках разлапистой ели...
Листья желтые в черной воде
Это бабьего лета недели,
Это грустный, раздумчивый вздох
О прошедшем околицей счастье...
Незлюбивой зимы дай-то Бог.
Да и осени - чтоб без ненастья.

И зимних вечеров задумчивую строгость,
И прелесть летних затяжных дождей.
Как песни русские, протяжные дороги
Сумей понять и полюбить сумей.
Порой осенней выйди на дорогу,
Взгляни на опустевшие поля:
Какою мудростью, печалью и тревогой
Наполнена уставшая земля!
Прислушайся к дыханию природы,
И он настанет, откровенья миг.

Когда доступен вдруг без перевода
Ветров и трав таинственный язык

Распахнулось широко
осеннее рыжее поле.
И над полем наг им
дождевые висят облака.
Отзывается в сердце
тупой безысходною болью
Опустевших полей
безысходная эта тоска.
Через поле иду
раскиселенной грязной дорогой.
Ничего, что и дождь,
поле я как-нибудь перейду.
В тгой жизни пройти
мне осталось не так уж и много.
Отведи же, Господь,
стороною лихую беду.

Осенние дороги

Какая тишина в лесу осеннем!
Какая грусть исходит от небес...
И будто бы церковным песнопеньем
Наполнен пригорюнившийся лес.

Под сводами его светло и свято.
Сияют светом полосы дорог,
Усыпанных червонцами богато.
И так отраден, легок каждый вздох.

И дымкой колдовской оденет вечер
Деревню дальнюю, притихшие поля.
Березы теплятся, как тоненькие свечи.
И будто ладаном окурена земля.

Ах, сколько благодати! Святы боги!
Листва шуршит тихонько под йогой.
Как хороши они, осенние дороги,
Покрытые опавшею листвою.

Речка встала.
На ней рыбаки, как всегда.
Чуть окрепший ледок
снег поспешно прикрыл.
Но сквозь этот покров
проступила местами вода,
Будто сквозь промокашку
тетрадную пятна чернил.
Запорошен снежком
почерневший слежавшийся лист.
Похоронен под
снегом лесов ненаглядный убор.
А на фоне небес
чья-то тонкая, тонкая кисть
Будто тушью китайской
выводит деревьев узор.
Как изыскан рисунок
снежком припорошенных трав!..
Беззащитны и кротки
нагие стоят деревья...
Безусловно, природа
в своих проявлениях права.

Круговертью планет
обусловлен извечный устав.

Предзимье, а не видно свиристелей.
Темнеет лес у поля. Посмотри –
Как четко вычерчены лапы черных елей
На полосе оранжевой зари.
И снегом первым, будто солью серой,
Присыпаны дороги, травы, пни...
И все несправедливей суток мера –
Протяжней ночи и короче дни.
Четвертый час, и сумерки все ближе.
Зажглись в деревне первые огни.
А изб не стало видно. В сизой жиже
Вечерней мглы растаяли они.
Как грустен путь без радости, без веры
Лишь огоньки бегут за мной в пути.
Но с ними по дороге грязно-серой
Повеселее все-таки идти.

* * *

Это кто, пока мы спали,
Ото всех тайком
Все деревья сразу залил
Белым молоком?

Кто там крыши накрахмалил,
Выбелил забор
И на каждый столб напялил
Головной убор?

Это кто такой умелый.
Что всю ночь не спал
И из каждой ветки сделал
Сказочный коралл?

Ну-ка глянь скорей в окошко
Вон за тип ствол.
Опоздали мы немножко
Он уже ушел...

Сорока

Синим росчерком лыжня
Вьется в полюшке широком.
И, завидевши меня,
Развела базар сорока.
Уж такую трескотню
Разнесла по всей округе,
Что снежинки на лыжню
С веток сыплются в испуге.
Хватит, птица, глотку драть!
И оно – чего бы ради?
Не какой-нибудь я тать,
А вполне нормальный дядя.
И намерений плохих
Никаких в помине нету.
Я пришел к тебе с приветом,
Да еще при всем при этом
Про тебя сложил я стих.

Меж берез запушенных и елей
Голубая петляет лыжня.
Лес чудесен в сиянии дня
После бурной вчерашней метели.
Сколько разных причуд намело!
Скульптор ветер талантливо лепит
Вон на зиму оставшийся лебедь
Клюв озябший укутал крылом...
Как звучны и прозрачны цвета!
Акварелью прописаны тени.
Синью звонкой, почти что весенней
Вся небесная высь залита.
Здесь, в лесу, как в большой мастерской,
Где картинам не надобны рамы,
Где отличные краски и мрамор
У природы всегда под рукой.

Российские поэты

Пушкин в Болдине

Уж заморились почтовые.
Кибитка встала у крыльца,
И Пушкин капли дождевые
Смахнул с усталого лица.
Дворовый люд его встречает,
Вот он уж в комнаты вошел.
«Что, барин, не согреть ли чаю?
Оно с дороги хорошо».
Вот принесли подсвечник, свечи.
Сундук дорожный принесли.
Трещат затопленные печи,
А кресла, стол в густой пыли.
И что его здесь ожидает
В глуши средь болдинских равнин,
Надолго ль он, и сам не знает,
Запрет холерный карантин?
Ах, боже мой, тоска какая!
Вконец измучил долгий путь.
Не до сугреву, не до чая.
Скорей в постель бы да уснуть...
Встает он рано. Грустен снова.
Причина грусти той одна –
В Москве Наталья Гончарова,
Пока невеста, не жена.
А в мыслях все еще дорога,
Усталой тройки вялый бег.
Уж от дорог устал немного
Он, бесприютный человек.
Но сердце верит – будет лучше,
Коль будет кров, семья, жена,
Перо рисует: тучи, тучи...

Сквозь тучи – бледная луна.
Равнины. Вьюга. Бесы...Жутко.
Вновь просится к перу рука.
Как свежий след по первопутку,
Ложится в черновик строка:
«Мчатся, вьются тучи, тучи...»

Тютчев

И глаз твой зорче, ухо чутче,
И оживляются мечты,
Когда читаешь книгу ты,
А на обложке: «Федор Тютчев».

И сразу школу вспоминаешь,
Не без налета грусти пусть,
Когда учили наизусть:
«Люблю грозу в начале мая...»

Дыханье космоса в его стихотвореньях,
Ночных светил и жуть, и красота.
Ведь он отмечен был прикосновеньем,
Благословеньем божьего перста.

А от стихов, ч то мы учили в школе,
От них и до сих пор в груди щемит.
И будет Федор Тютчев жив, доколе
Жив на земле холя б один пиит.

Есенин

С глазами, бездонно синими,
На людях – беспутный, шальной,
Он был как знаменье России,
Березовой и ржаной.

Меха развернув тальянки,
Пшеничноволос и чубаст,
Вывертывал наизнанку
Всю душу свою напоказ.

Любил, остывал и женился
Он в жизни несколько раз.
И чуб его по ветру вился,
И синью хлестало из глаз.

Но все это показное,
Как взбалмошный звон бубенца.
А сердце его золотое
Не понял никто до конца.

В заморскую танцовщицу
Влюбиться – ему по нутру.
Сгорел он, как сноп пшеницы.
На легком осеннем ветру.

Такой уж вот жребий выпал,
Как прошлое ни вороши.
Он в строках стихов рассыпал
Ржаной намолот души.

Бунин

Глухая степь. Знобящий ветерок.
И дробный перестук копыт коня
О землю мерзлую... И вновь берет меня
В плен волшебство его чеканных строк.

Он чувствовал и остро, и свежо
Все краски, звуки, запахи земли.
И на страницы книг его легли
Слова и строки, как к стежку стежок.

Как пианист, великий виртуоз.
Уносит музыкой в неведомую даль,
Вот так и он души своей рояль
Разыгрывал, замучивал до слез.

Был родови г. И горд. И одинок.
Нередко желчен был и ядовит.
Но ландышевой свежестью сквозит,
Душист и чист стихов его венок.

Скитался, шел по жизни налегке.
Любил вино. От ревности страдал.
Безумно по России тосковал
В далеком эмигрантском далеке.

И в старости он, будто гимназист,
Увлечься женщиной до безрассудства мог,
Чтоб после чувств запутанных клубок
Разматывать в машинописный лист.

...Все степь да степь. Далекие лески.
Край неба тихо тлеет впереди.
И душу вновь томит и бережит
Чеканная огделанность строки.

Фет

Можно ль словом листьев лепет
Выразить суметь.
И души стесненной трепет
Уловить, воспеть?

Сердца тайное биенье
Передать в словах,
Рассказать, как куст сирени
В сумерках запах.

Вздохи ландыша лесного,
Запах милых рук...
Но каким поведать словом
Боль любовных мук?

Состояний кратких смена,
Брезжит мягкий свет.
Как легко и вдохновенно
Пел волшебник Фет!

Великие художники России

Великие художники России!
Трудами вашими зажжен нетленный свет,
И он горит свечой неугасимой,
Потомкам светит через толщу лет.
Нет, не пропал он, русский дух, не вымер,
Хотя пришли другие времена.
Вошли в историю столбами верстовыми
Художников российских имена.

Андрей Рублев

Пусты и амбары и риги,
Черны от пожарищ поля.
От злого татарского ига
Устала родная земля.

И в келье за крепкой стеною
Молился подвижник монах.
Но видел он время иное
В коротких провидческих снах.

Глядел он на лики святые,
Молился с усердием, но —
Но было письмо Византии
Сурово зело и темно.

А он вспоминал свое детство,
Поля бронзовеющей ржи,
И рядом в траве по соседству
Глаза васильков у межи.

Вон жницы белеет рубаха...
Нет, весь этот мир золотой
Господь сотворил не для страха,
Не для разоренья и войн.

Любовью, надеждой и верой
Насытить людские сердца!
И свечкою в келии серой
Горела душа чернеца.

И вот нарушая каноны,
Чтоб пищу болящему дать,
Он пишет другие иконы,
Из красок творя благодать.

Как древнее русское «Слово»
Звенит сквозь веков темноту,
Так фрески Андрея Рублева
На храмовых, стенах цветут.

Саврасов

Тоскливый вечер. Слякотно и мглисто.
Сидит художник в грязном кабаке,
Дрожит стакан в его большой руке.
А был он первым русским пейзажистом.

Да, было время – был он и силен,
И чуть не всей России был известен
Пейзажами душевными, как песня.
В деревья, травы, в облака влюблен.

Щемящей нотой русскою звучит
Родной мотив, знаком и узнаваем –
Весенний воздух оглашая граем,
Вьют гнезда прилетевшие грачи.

Молвитинская старенькая церковь.
Капели звон, журчанье вешних вод.
Все потому так за душу берет,
Что писано не красками, а сердцем.

Теплом и влагой дышат облака,
И даже шелест веток слышен вроде.
Как символ Родины, как гимн родной природе
Его пейзаж пройдет через века.

...Дождливый вечер. Слякотно и мглисто.
Сидит Саврасов в грязном кабаке.
Давно уж пуст стакан в его руке.
А был он первым русским пейзажистом.

Сейчас он встанет, побредет куда-то
Безлюдной улицей по слякоти в ночи.
Уж воронье кружит, а не грачи
Над головой его всклокоченной, кудлатой...

Айвазовский

В кофейне крымской, где жара не в шутку,
Он мальчиком работал за гроши
И каждую свободную минутку
Брал лист бумаги и карандаши.

Мальчонку заприметил покровитель,
Как тот корабль и море рисовал,
И, может быть, тогда уже предвидел,
Что он напишет свой «Девятый вал».

Вот мальчик вырос, выучился. Рано
Пришли к нему и слава, и успех.
Художник в позолоченные рамы
Вставлял холсты на зависть неумех.

За два часа мог написать картину
На публике, как маг или артист.
И возгласы ему летели в спину:
«Да здравствует великий маринист!»

Когда тридцатилетие встречал он
В кругу своих знакомых и друзей,
Пришла к феодосийскому причалу
Эскадра черноморских кораблей.

От удивленья рты раскрыли люди.
Они не ожидали, чудаки,
Что троекратно залпами орудий
Художника поздравят моряки.

С годами убелят его седины,
За жизнь напишет тысячи картин.
Известно много мастеров марины,
А Айвазовский – он у нас один!

Не каждый мог при жизни столько славы
И денег, и признания иметь.
Был Айвазовский гордостью державы
И будет ее гордостью и впредь.

Шишкин

Сосновые елабужские дали
Ему запали в душу с детских лет...
И, право, вы отыщете едва ли.
Кто б так еще прославил кистью лес.

Он был силен, несуетлив и плотен,
Полетать дубкам, что так любил писать.
Глядит на нас со всех его полотен
Дубов и сосен корабельных рать.

Пусть снобы скажут: «Эдакая скука!»
Но он, конечно, снобам не чета.
Искусство воссоединить с наукой —
Была его заветная мечта.

Жизнь леса как естествоиспытатель
Дотошно, кропотливо изучал.
Нетороплив, как золотоискатель,
Считал он труд началом всех начал.

Он умер за работой у мольберта:
Кисть покатила на пол из руки.
Сердечного припадка слал он жертвой
В тот час, когда писал свои дубки.

В искусстве слово веское сказал он.
Ну кто не знает шишкинскую «Рожь»?
В огромных рамах по музейным залам
Стоят армады корабельных рощ...

Суриков

Сиенной жженой, красным суриком,
Мешая охру и крапплак,
Писал свои полотна Суриков,
Сибирский родовой казак.
Как белый снег, бледна Морозова.
Как найден розвальней разбег!

И в переливах нежно-розовых
Полозья режут рыхлый снег.
Писал густою краской истово
Камзол Петра, худой армяк,
Степана Разина плечистого,
Суров и мужествен Ермак.
В избе холодной, словно в камере,
Опальный Меньшиков сидит.
В картинах киками, платками ли
Своих боярынь он снабдит.
Был горд. Не каждого уваживал
Визитом. Духом не зачах.
И на прием к царю он хаживал
В смазных казацких хромачах.
Ему ни почести, ни милости,
Ни роскошь были не нужны.
И уж еще раз не женился он.
Когда остался без жены.
И расставался он с квартирами
Легко. Весь скарб – один сундук,
Набитый книгами, потирами.
Тут и пищаль, тут и чубук...
И у других – о том не спорю я
Хватало красок и ума.
Но дышит русская история
В его холстах, как жизнь сама.
Неторопливо и несуетно,
Он прожил жизнь не за пустяк,
Великий живописец Суриков,
Сибирский родовой казак.

Репин

Горбун-калека ковыляет,
Плечом опершись на костыль.
Беднягу палкой отгоняют
Куда подальше. Хмарь и пыль...

Купец, помещик, молодайка.
Толпа валит из сизой мги.
Свистит урядника нагайка,
Скрипят смазные сапоги.

С иконой барыня. Крестьяне.
Жандармы. И опять купец.
Несут хоругви прихожане.
От пота взмок святой отец.

Исправник. Нищенки босые...
Плывет рекою крестный ход.
Уж коль не вся, гак пол-России
Из рамы гак на нас и прет.

И сколько, сколько лицемеров!
Куда идут они? К чему?
Один горбун исполнен веры,
Но преградили путь ему...

И, как всегда, великолепен
По краскам, замыслу рассказ.
В нем всю Россию вывел Репин,
Не всю, гак четверть напоказ.

Васнецов

Лесок... Осинки невысокие
Роняют в речку жухлый лист.
Речушка поросла осокою,
И небосвод над лесом мглист.

Сидит на камушке Аленушка,
В глазах такая грусть-печаль!
О чем горюешь, несмышленушка?
Кому ж Аленушку не жаль!..

Илья глядит в степную ширь с коня,
Добрыня и Алеша тож.
Стоит застава богатырская.
Чурайся, враг, не пройдешь!

Летит над лесом, над равнинами
Ковер – волшебный самолет.
Все Русь... Болота журавлиные...
Туман лежит поверх болот.

Вот волк царевича с царвною
Несет сквозь дебри и леса.
И оживает сказка древняя
И ворожба, и чудеса.

Но не живой водой целебною
Жизнь наших предков праотцов.
А кистью воскрешал волшебною
Гусляр-былинник Васнецов.

Врубель

Шаляпин во фраке ли, в шубе ль –
Всегда был велик и высок.
Но только услышу лишь – Врубель
Как кровь ударяет в висок.

Комета стремительно выгнет
Дугой ослепительный хвост.
Кто и когда достигнет,
Врубель, твоих высот?

Твой «Демон» – цветы веерами.
То дивная сказка, то вихрь.
И краски ночными кострами
В холстах полыхали твоих.

Запекшейся крови короста
И рядом – оплывший янтарь.
Ты был невысокого роста.
Но духом силач и бунтарь.

Смотрели на выставках в оба
И морщили узкие лбы,
Ругали тебя узколобые,
А ты – гениальным был.

Считали, что не в уме ты.
И лишь для немногих – кумир.
Из космоса яркой кометой
Ворвался ты в слякотный мир.

Левитан

Писал он волжские расшивы
И золотой от солнца плес.
От красоты родной России
Не мог сдержать художник слез.

Чего еще придумать злее,
Чем выслать за предел Москвы?
Еще ярлык ему приклеят –
Певец печали и тоски...

Потом пройдет пора обструкций,
И все о нем заговорят.
И в миллионах репродукций
Его пейзажи повторят.

Речушка, рыжие осины...
Он так сумел их написать,
Что каждый в этой речке синей
Свою речушку мог узнать.

Вот дремлет тихая обитель,
Плывет в тиши вечерний звон.
Ну кто, какой России житель
Пейзажем этим не пленен?

Дожди косые над Россией.
Вечерней Волги благодать.
Художник плакал от бессилья
Красу России передать...

Нестеров

Христовы невесты, пустынноики...
Святая, пречистая Русь.
Березок нагих паутинники,
Берущая за душу грусть.

Под небом то серым, то синеньким
Вдоль берега тихой реки
Идут седовласые схимники,
Ветхи и, как воздух, легки.

Затих в предзакатном молчании
Осенний задумчивый лес.
Читают молитвы печальники,
Плывет над землей благовест.

Идут беззаветные белицы
На постриг. Платы на плечах.
И пламя под ветром шевелится
На тонких высоких свечах.

Рябина ли тонкая, верба ли —
В лесах затерялись скиты.
Все дни преподобного Сергия
С родною природой слиты.

В глазах его грусть вековая,
Но думы легки и светлы.
И теплятся тонкими свечками
Березок осенних стволы.

Как трепетно чувствовал Нестеров
Земли неизбывную грусть!
Он видел Христовой невестою
Святую печальницу Русь...

Кустодиев

Судьба с ним обошлась жестоко слишком.
Но, сохраняя юношеский пыл,
Он Кинешму, поволжский городишко,
В цветные полушалки нарядил.

Возможности лишен к передвиженью,
Но памятью хорошей наделен.

Писал картины по воображенью,
В них воскрешая ярмарочный звон.

Форсят провинциальные франтихи.
Приказчики. Крестьяне в лапотках.
Дородные, дебелие купчихи
В тяжелых дородоровых платках.

Упряжки троек, расписные сани.
И кучера – свирепы и толсты.
Трезвоном маслениц и праздничных гуляний
Переливаются, звенят его холсты.

Веселый гомон ярмарок, базаров.
Церквушки златоглавые белы.
Жеманницы сидят за самоваром,
Как яблоки, румяны и круглы.

Вог в жаркой бане русская Венера,
Распущенные волосы густы.
Бог отпустил ей полновесной мерой
Здоровья, тела, женской красоты.

Красавицу, сидящую за чаем
С арбузом и топленным молоком,
Изображал он, не изобличая,
А с добродушным русским юморком.

Показывая Русь цветной, нарядной,
Не раз он нарывался на скандал.
Да, жизнь была не каждый день отрадной.
Но он такой Россию увидал!

Корин

Когда был полон непочатых сил,
По-палехски упрям и непокорен,
Задумал эпопею Павел Корин
Об уходящей кондовой Руси.

Руси страдальцы – он уж видел их
Под сводами Успенского собора,
Он понимал, что скоро, очень скоро
Сметет их всех безумства дикий вихрь.

Пятиметровый заготовлен холст,
И цветное найдено решение.
Подвластен лишь душевному движенью
В своих эскизах он к картине шел.

Монахини, калеки, старики
Глядят в упор с громаднейших эскизов.
Церковных иерархов блещут ризы.
Черны, как ночь, скуфьи и клобуки.

В глазах такая сила – просто жуть!
Не мракобесы и не изуверы –
Русь уходящая, оплот последней веры –
Какою силой можно их согнуть?

Глаза их не от страха велики –
Они пойдут под пулю и на плаху,
Сменив лишь по обычаю рубаху
Да лоб окстив знаменiem руки.

Широкая расплющенная кость,
Мощь духа в желтых изможденных лицах.
Какая бы картина получиться
Могла у Корины!.. Да вот не довелось...

Стоит стеной святой Руси редут
В одеждах черных, в золоченых ризах.
Они ушли. Но с коринских эскизов
Они теперь вовеки не сойдут.

Пластов

Он радостью общей и болью
С сельчанами прожил свой век.
И сам был земли этой солью –
Художник, мудрец, человек.

Работал и жил без шумихи,
Чурался затейливых фраз,
Деревни родной, Прислонихи,
Всю жизнь показал без прикрас.

Пусть критик со скудным умишком
В статейке о нем поднаврет.
Но он-то не понаслышке
Знал жизни крестьянской черед.

Любую мог справить работу
Хоть пахота, хоть сенокос,
С любовью такой оттого-то
В холсты это все перенес.

Жнецы, пастухи, трактористы...
Извечный крестьянина труд.
Неторопно, свято и чисто
В холстах его люди живут.

Простые, но сильные духом,
В работе с зари до зари.
И рушит ржаную краюху
На жатве столетний старик.

Цветистый ковер травостоя.
Идут чередой косари...
И песенным радостным строем
Сияет картин колорит.

Всех тех, кто степенно и тихо
По жизни свой крест пронесли.
Простых мужиков Прислонихи
Возвел до Героев Земли!..

Памяти А.М. Каманина

Тропка заросшая манит
В дальний лесок голубой.
Старый художник Каманин
Хаживал этой тропой.

Пахнет деревня родная
Так же, как прежде, дымком.
Сколько по этому краю
Вместе ходили пешком!

Все тут до боли знакомо,
Каждый тропы поворот,
Вид этот прежней истомой
Душу берет в оборот.

Каждый пригорок и баню,
Каждый ручей и сарай –
Сердцем согреев Каманин.
Как он любил этот край!

Рощицы в мартовской дымке,
Лез них лугов благодать,
Как он любил наши зимки,
Как он умел их писать!

Содержание

На перепутьях

Из детства	4
«Не самое приятное едва ли	5
Покровская гора	5
Как знакома мне эта дорога	6
Первый стих	6
Начало любви	8
Еще и лист не опал	8
В Карелии	9
На Лене	10
В Кара-Кумах	11
На Тихом океане	12
Кривые улочки. Безмовный зимний вечер	13
Спасов день (из прошлого)	13
Я все еще люблю волнение	15
С полуулыбкою всегдашней	15
Когда писал стихи Петрака	16
Я каждый день ее встречаю	16
Поле, небо и я	17
И каждый день – как Божья милость	17
О, детских лет безумная беспечность	17
Август. Алеют рябины	18

Разнотравье

Разнотравье	20
Импрессионизм	20
Дрожит звезда	21
Отрада	21
Заколоченный дом	21
Вечер	22
Там	23

В вечерний час	23
Выйду в опустевшие поля	24
Пойду ль в перелестки заветные	24
Лето	25
Времена года	25
Благодать	26
Ветер вытер неба простор	27
Тлеющий свет в небесах вечеряющих	27
Время медленно пряжу прядет	28
Где густеет от сосен в бору темнота	28
Ветер шумит за окном	28
Тень	29
В Гефсиманском саду	30
Вифлеемская звезда	31

Наши родники

Узор	34
Секрет	35
Печник	36
Наши родники	37
В столовой	38
Провинция	40
Зимка	41
Не видать в деревнях что-то бань	42
Снова подули осенние ветра	42

Василевские притчи

Чай-сахар	44
Странник и кот	45
Белоручка	46
Баба и дьявол	47
Портной и черт	48

Родная сторона

Тающий снег. Березка	51
Избы дремлют в снегу	51
И все еще по-прежнему как будто	52
Середина марта. Теплый вечер	52
По лужам рябь	53
Распростерлась вверх неба синего простынь	53
В начале мая влажной теплой ночью	54
Весенний воздух – сладкий, чистый	54
Долгожданный ты август наш, здравствуй	55
Отзвеневшего лета конец	56
И зимних вечеров задумчивую строгость	56
Распахнулось широко осеннее рыжее поле	57
Осенние дороги	57
Речка встала	58
Предзимье, а не видно свиристелей	59
Это кто, пока мы спали	59
Сорока	60
Меж берез запущенных и елей	61

Российские поэты

Пушкин в Болдино	63
Тютчев	64
Дыханье космоса в его стихотвореньях	64
Есенин	65
Бунин	66
Фет	67

Великие художники России

Андрей Рублев	69
Саврасов	70
Айвазовский	71
Шишкин	72

Суриков	73
Репин	75
Васнецов	76
Врубель	77
Левитан	78
Нестеров	79
Кустодиев	80
Корин	81
Пластов	83
Памяти А.М. Каманина	84